

ВИКТОР МУЗИС

Кимберлиты... Мои первые...

РАССКАЗЫ ГЕОЛОГА

Виктор Музис

**Кимберлиты... Мои
первые... Рассказы геолога**

«Издательские решения»

Музис В.

Кимберлиты... Мои первые... Рассказы геолога / В. Музис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934565-3

В книге рассказывается о работе, быте и приключениях автора в районе реки Оленёк. О его первых полевых сезонах и открытиях кимберлитовых тел. Текст сопровождается большим количеством фотографий.

ISBN 978-5-44-934565-3

© Музис В.
© Издательские решения

Содержание

КИМБЕРЛИТЫ. МОИ ПЕРВЫЕ...	6
I. КИМБЕРЛИТЫ – СЕЗОН ПЕРВЫЙ	7
1. КОЛЫМА	7
2. ВЕРХОЯНЬЕ	10
3. СИБИРСКАЯ ПЛАТФОРМА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кимберлиты... Мои первые... Рассказы геолога

Виктор Музис

© Виктор Музис, 2019

ISBN 978-5-4493-4565-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КИМБЕРЛИТЫ. МОИ ПЕРВЫЕ...

2018 г.

I. КИМБЕРЛИТЫ – СЕЗОН ПЕРВЫЙ

1. КОЛЫМА

Это было на второй полевой сезон моей работы на Сибирской платформе по работам на кимберлиты.

Володя Бобров

До этого я работал на Колыме. Сначала от младшего до старшего техника у Шульгиной (был ее напарником), затем у Боброва (съемка 50 000 масштаба по золоту). Только после специального приказа по Министерству о переводе всех техников, имеющих высшее образование, в геологи, всех техников экспедиции перевели в геологи. Уже геологом поработал и в Верхоянье на флишеидных толщах (съемка 200 000 ммасштаба по олову).

Начало работы геологом было тяжелым... Многие ребята давно уже работали на съемке и были знакомы с методикой проведения этих работ. Я же у Шульгиной колотил фауну при составлении ею разрезов и занимался оформлением многочисленных образцов, отбираемых ею для различных анализов.

А нужен был навык геолога-съемщика, которого у меня не было, я только знакомился с ним, работая у Боброва. У него я работал техником, развозя горняков к местам работ, задавая и описывая горные выработки и промывая отобранный материал лотком.

Помню, решил как-то не просто воткнуть в готовый шурф сухую лесину корневищем кверху, положено было отмечать местоположение горных выработок на местности, а сделать как положено – срубить свежую лесину, вырубить Г-образную площадку у комля и подписать. Шарахнул по лесине топором, да неудачно. Бывает и «на старуху проруха!». Топор отскочил рикошетом и ткнул меня чуть-чуть по ноге у щиколотки, сверху. Я по началу и внимания не обратил. Потом чувствую, неудобно что-то ноге... Снял резиновый сапог, размотал покрасневшую портянку, а там... Обрато сапог одеть я уже не смог. Описывал шурфы прямо из вездехода, порода была суглинки четвертичные («Едомные»), а горняки сами меряли размеренным шестом глубину и набирали песок на промывку.

Бобров вечером, выходя из маршрута, подошел к нам и крикнул мне издали:

– Виктор, иди сюда!

– Сам иди! – улыбаясь, крикнул я в ответ.

Немая сцена!.. «Вожатый удивился, вагон остановился!» Бобров подошел, я показал перевязанную ногу.

– Ну и как же ты теперь? – спросил он.

– Да горняки сами все сделают... – и продемонстрировал.

А в лагере Дима Израилович дал мне свой 47-й и я боле-мене ковылял. Нога только не держалась в ступне, а «шлепалась» сразу, не держась на пятке. В Москве Дима свел меня со знакомым хирургом, тот пощупал, приложил мой палец к ранке и сказал:

– Чувствуешь, сухожилие повреждено. Операция пустяковая, захочешь – сделаем.

Но я не решился. А где-то через год нога уже работала нормально.

А как-то, уже в сентябре, уже лег снег и ручьи покрылись тонкой коркой льда, мне поручили промыть несколько десятков пробных мешков мерзлого суглинка из шурфов. Как?

«Проявляй солдатскую смекалку! – сказал мне как-то отец. – Начальник не всегда должен думать за тебя.

Мы загрузили вездеход, подвезли мешки к ручью, выгрузили их и он уехал за следующей «порцией». В напарники дали рабочего. Долго думать не пришлось: поставили две треноги, на них перекладину, развели под ней костер и подвесили на крючок ведро с водой. В ручье проломили лед, раскидали обломки-льдинки, я надел матерчатые перчатки, на них резиновые грубые, чтобы не колоть пальцы об щебень, растирая суглинок, и, опуская мешок в ведро с кипятком, вываливали размякшую породу в лоток. А там уж дело привычное – растираешь суглинок, промываешь породу, освобождая ее от глиняных частиц и песка, доводишь до кондиции и сливаешь шлихи в шламовые матерчатые мешочки. Мешочки тут же сушишь у костра на камнях, пересыпаешь в маленькие крафт-пакетики и подписываешь их. Всего-то и делов... Как говорить: – «Наливай, да пей!».

А первый свой маршрут и первые геологические точки я помню по сей день.

– Володя, – помню, крикнул я Боброву (начальнику партии), встретившись с ним в первом самостоятельном маршруте. – Я ничего не понимаю!

Кочка мерзлотного пучения

Настолько все было задерновано и только вершины плоских сопок, стоило подняться выше 300-метровой горизонтали, были свободны от леса. А на склонах одна щебенка (дресва) в кочках мерзлотного вспучивания. Но, со временем, привык и даже в чем-то маленько стал разбираться.

Но, после двух лет (я попал на завершающие 2-года) работы (а всего на съемку листа отводилось 4-ре года), костяк партии был оставлен на издание, а остальных распределили по другим партиям и по разным регионам.

2. ВЕРХОЯНЬЕ

Меня определили в партию к Башлаvinу Дмитрию Константиновичу, работающему в Верхоянье с базой в Батагае.

Сибирский хариус

Очень не хотелось расставаться с Колымой, с привычными базовыми поселками – Зырянкой и Лабуей (что ниже Средне-Колымска). Ведь я довольно долго работал там техником у Шульгиной Валентины Ивановны и даже осмелился называть ее Вале́й в последние годы работы с ней. А какая там была охота! А какая рыбалка! Как я полюбил эти места!

Стоя как-то в кассу за зарплатой в последние дни работы у Боброва и перекидываясь шуточками со знакомыми и приятелями, на вопрос одного знакомого (приятеля моего отца):

– Ну, и куда тебя?.

– Да к какому-то Башлаvinу! – машинально ответил я.

Знакомый что-то хмыкнул в ответ. Но каково же было мое изумление, когда я в первый раз приехал в назначенную партию, ведь это и был сам Башлаvin, которого я звал «дядя Дима» при встречах у отца, но фамилией и не интересовался, зачем мне это надо было. Но в партии это был, конечно, только Дмитрий Константинович. Ну, Константиныч, и то только после года работы с ним.

Так вот! Взглянув на топографическую основу карт, я увидел сплошной коричневый цвет и все в сплошных сближенных завитушках рельефа – горный район... Как же здесь ходить в маршруты? А флишоидные толщи – я помню их еще по Крымской практике – сплошное чередование песчаников и алевролитов и все сжато и перемято в сплошные складки... А как в них разобраться?

– Ничего, – ободрил меня Десятерик (геолог соседней партии). – За пару лет привыкнешь, разберешься.

Действительно, за пару лет как-то маленько привык, разобрался. И к проходимости, и к флишу...

И с коллегами я сдружился. Только Башлаvin все время ворчал по любому поводу. Я, поначалу, принимал все близко к сердцу, но ребята сказали мне, чтобы просто не обращал на это внимания. Действительно... Как-то, Битерман, начальник соседней партии, поднимая в его честь рюмку (мы на работе отмечали День рождения Константиныча), произнес:

– Я вам расскажу один случай, а о ком идет разговор вы поймете и сами. Как-то его супруга решила отдать в химчистку его пиджак, на котором было чернильное пятно от авто-ручки.

– Да разве там смогут отчистить! – заметил он.

Но она все-таки отнесла пиджак в химчистку. И пиджак от пятна отчистили.

– Да разве у нас умеют делать чернила?! – сказал он.

И эта фраза – «Да разве у нас умеют делать чернила!» – стала у нас поговоркой.

А какая охота в горах! А какова баранина на вкус! Я сразу почувствовал разницу после оленины и сохатины.

И как мне понравились эти места!

Но дело опять не в этом!

После окончания 4-летних работ на отведенном «листе», начальник партии и старший геолог остались на его издании, а нас, геологов и техников, как обычно, распределили в другие партии.

3. СИБИРСКАЯ ПЛАТФОРМА

Так я попал в партию Осташкина Игоря Михайловича на работы в совершенно новый для себя регион Сибирской платформы левобережья реки Лены. Там уже работали две партии – Сибирцева (база в пос. Жиганск) и Шахотько (база в пос. Оленек).

Комната в геологической гостинице Нюрбы

В новой для меня партии были три старших геолога (женщины) и техник, но в поле они не выезжали, кто по семейным обстоятельствам (?), кто по здоровью. И Осташкину, видимо, понадобился молодой, но опытный геолог, которого можно было бы послать в командировки в местные территориальные геологические организации (в Нюрбу и Мирный) и использовать самостоятельным отрядом на полевых работах.

В первый полевой сезон Осташкин хотел проверить метод укрупненного шлихового опробования (УШО) в районе одного из кимберлитовых полей и заверить там как можно больше фотоаномалий, чтобы проверить кое-какую статистику. Этим эталонным участком был выбран участок с кимберлитовой трубкой «Заполярная» в Верхне-Мунском поле, которая хорошо выделялась большим треугольным темным шлейфом на сером фоне кембрийских известняков.

«Пчелка» – АН-14

Я вылетел в поле первым. Залетел в Нюрбу на неделю по командировке и вылетел в Жиганск. Очень мне понравилась гостиница для геологов (домик для приезжих) – небольшой, чистенький, уютный.

Прилетев в Жиганск, я расположился в комнате с ребятами из партии Сибирцева, получил со склада снаряжение и продукты и стал ждать Осташкина. А в Батагай, привычный мне Батагай, где была администрация экспедиции, я, неожиданно для самого себя, дал такую радиограмму:

«К полученному в Жиганске для партии Осташкина И. М. прошу прислать следующее:

1. Лодки резиновые ЛАС-500 – 2 шт.;
2. Консервы тушенка говяжья (страшный дефицит) – 2 ящика;
3. Молоко сгущенка – 1 ящик;

4. Лотки деревянные большие – 2 шт (страшный дефицит);
5. Сковороды чугунные большие – 2 шт.;
- ...еще кое-что из посуды. И подписал – Музис В. А.»

Прямого сообщения между Батагаем и Жиганском не было и радиogramму я дал скорее для очистки совести, так, на всякий случай. Но «там» видно так удивились моей наглости, что... дали все, что я просил. Может меня с отцом перепутали и на инициалы не обратили внимания. Не знаю. А может быть фамилия Осташкин свое дело сделала – он прилетел из Африки и работал первый полевой сезон. Да и с главным геологом экспедиции он был на ты... Не знаю.

Как-то неожиданно прилетела «Пчелка» спецрейсом из Батагая, заказанная, видимо, Сибирцевым и Петров, сопровождающий, сказал мне: – Там твоя заявка. Тут уж пришла пора удивляться мне самому... Как все удачно совпало.

Скоро прилетел Осташкин и мы вылетели к месту полевых работ. На этом участке был оставлен геологами-разведчиками Амакинской экспедиции геологический поселок. Оставлен был в связи с окончанием работ.

В оставленном поселке геологов

Мы выбрали для жилья большую избу с двумя комнатами (по 30 кв. м.), прихожей и кладовкой. Это была изба то ли администрации, то ли камеральная. В первые же дни мы застеклили поврежденные окна из найденного целого блока оконного стекла (я поразил Осташкина, достав из своих запасов стеклорез), починили крышу найденным рубероидом, сколотили нары и я даже притащил из одной избушки самодельное, но искусно сделанное, кресло-качалку.

Полазив с ним по отвалам всех ранее выявленных кимберлитовых тел этого поля, а они располагались довольно компактно, отобрав образцы пород и отшлиховав нижние части склонов и ручьев, он, убедившись что я хорошо ориентируюсь по аэрофотоснимкам, оставил меня заверить полсотни выделенных фотоаномалий, а сам сплавился вниз по реке с переборской на реку Тюнг, где базировалась партия Сибирцева.

Интересна конструкция его сплавного сооружения: катамаран из двух 500-к он поставил на плот из сухих досок, к которому приделал четыре полоза-салазки (как санки). Понтоны жестко прикрепил к плоту.

Вниз по Улах-Муне...

Таким образом увеличилась загрузка лодок, а их днища были надежно защищены от порезов на перекатах. Сооружение, конечно, довольно тяжелое и не очень хорошее для мелких рек с перекатами, но довольно устойчивое и удобное для рек с глубокими плесами.

Мы помогли им сплавиться по Улах-Муне, протаскив их «сооружение» до ее устья (километров 10—12), а дальше по Муне до Тюнга они сплавлялись вдвоем.

Вниз по Муне...

Рабочим у него был Саша Арефьев – инженер-электронщик и страстный охотник и любитель-рыболов. Саша сделал и подарил мне искусно сделанный из напильника нож с витой деревянной ручкой в деревянных ножнах, стянутых медными кольцами из гильз. Это был один из самых удобных моих ножей, помимо двух немецких штыков и перочинных ножей.

Перочинные ножи с усиками для вытаскивания гильз из ружья я почему-то все время терял. А Сашин нож впоследствии потерял Валера Истомин, когда я забыл нож в базовом поселке, а он взял его и пользовался весь сезон. Ему он тоже понравился. Одни ножны остались.

Саша Арефьев

Еще, со временем, у меня появилось два штык-ножа. Первый, видимо от немецкой винтовки Маузер, я выкупил за пару бутылок у своего коллеги-приятеля. Нож был какой-то непрезентабельный, что-ли, тупой, с немного укороченным лезвием и без накладок на ручке. Но я сразу оценил его перспективу и отнес на рынок к точильщику. Тот сказал:

– Покажи!

Но, стоило мне только вытащить его чуть-чуть из внутреннего кармана пальто, как он зашептал:

– Спрячь, спрячь...

– Спрячь, спрячь...

И повел меня в какой-то подвал, где у него была мастерская. Там он наточил его до бритвенной заточки и придал отличную форму носику.

Когда приятель увидел, как выглядит теперь его нож, он сказал, что знал бы заранее, что можно его таким сделать, ни за что бы не продал.

И повел меня в какой-то подвал, где у него была мастерская. Там он наточил его до бритвенной заточки и придал отличную форму носику.

Когда приятель увидел, как выглядит теперь его нож, он сказал, что знал бы заранее, что можно его таким сделать, ни за что бы не продал.

Ножны я изготовил из деревянных тонких планок от продуктового ящика, склеил их БФ-ом и сбил маленькими обувными гвоздиками. Обтянул коленкором так, чтобы можно было надевать на ремень. А вставки на рукоятку выпилил из деревянной капы. Разделявал этим ножом только крупную добычу – сохатых.

А второй штык-нож в металлических ножнах мне подарил тесть.

На сезон я был обеспечен продуктами, снабжен рацией РПМС времен Великой Отечественной и тремя рабочими.

Так осуществилась моя давнишняя мечта – пожить в избе, где днем прохладно и нет комаров, а в непогоду тепло от печки буржуйки. Сидишь у печки в кресле, качаешься, а за окошком дождик по стеклам или снежинки хлопьями... Спидола играет... Лепота! Мы выбрали для жилья большую избу с двумя комнатами (по 30 кв. м.), прихожей и кладовкой. Это была изба то ли администрации, то ли камеральная в оставленном небольшом поселке геологов-разведчиков. В первые же дни мы застеклили поврежденные окна (я поразил Осташкина, достав из своих запасов стеклорез), починили крышу и я даже притащил из одной избушки самодельное, но искусно сделанное, кресло качалку.

Ну вот, теперь, когда вступление закончено, можно перейти к делу!

Работать самостоятельно мне нравилось. Каждый день, за исключением дождливых, мы лазили на склоны, выходили на аномальные участки, хорошо определяемые на склоне сгущением кустарника тальника и ольхи (высотой до 1.5—2 м), копали в нижней части участка, чуть ниже сгущения кустарников, закопушки до мерзлоты (см 40—60) и набирали в пробные брезентовые мешки выбранный элювиально-делювиальный материал. Затем спускались к речке и промывали породу лотками.

Плоская поверхность трубки «Заполярная»

Вечерком я выходил на речку со стереоскопической пластиковой 3-х метровой удочкой и на «мушку» нахлыстом на небольшой тройничок (с пучком кудрей, подвитых зажженной спичкой до кудрявости), ловил небольших хариусов. Для крупной рыбы здесь было слишком мелко.

Куропатку можно было подстрелить прямо меж домиков – если тихонько идти, они выдавали себя тревожным гортанным гульканьем.

Сибирская куропатка

Отработав участок, мы загрузили 500-ку продуктами, спальниками и личными вещами и перебрались на несколько километров выше по речке. Здесь тоже были домики и обогатительная фабрика, построенная для оценки выявленных кимберлитовых тел на алмазы. Выбрав наиболее приличный домик, накрыли крышу ярко-зеленым толстым брезентом, выведя трубу буржуйки на чердак, а по нему металлическими коробами к не заколоченным фронтонам, и продолжили свою работу.

Забегая вперед, могу рассказать забавный случай с Колей Твердуновым, который на следующий год оказался на этом участке и поселился в этом же домике.

– Поселились, – рассказывал он, – затопили печку и я вышел из избушки полюбоваться речкой и окрестностями. Стою, оглядываю окрестности, фабрику и мимоходом глянул на крышу... И оторопел! Печка топится, а ни трубы ни дыма нет. Я бросился в избу... Печка спокойно гудит... Все хорошо... Что за чертовщина?! Полез на чердак, все понял и успокоился.

Надо добавить, что у Коли был какой-то трагический случай, связанный с угаром от печки с кем-то из его родственников, поэтому к этим делам он относился очень болезненно и осторожно.

Что-то я никак не доберусь до основной части своего рассказа. А она произошла на второй мой полевой сезон работы по кимберлитовым телам. Но первый определил и второй. Не было бы результатов по первому, не было бы такого интересного второго. Как без начала не бывает и конца...

Поскольку незначительное количество минералов-спутников можно было принять за некую зараженность ими от уже выявленных кимберлитовых тел выше по склонам (а одна из них, располагаясь на самой поверхности сопки, давала такой широкий шлейф зараженности

вниз и в стороны по склонам, такой треугольник), что я отрабатывал участок, можно сказать, машинально, надеясь больше на результаты минералогического анализа. Шлихи на минанализ я отсылал относительно регулярно, ко мне оказией залетал вертолет из Жиганска и привозил свежие батареи (у меня было что-то с питанием для рации – я превосходно слышал всех, а меня только в партии Шахотько и то слабо) и даже как-то залетел сам Осташкин, озабоченный плохой связью со мной, и привез новую рацию.

Рация РПМС

Василий Георгиевич, радист базы в Жиганске, взрослый здоровенный мужчина, бывший моряк (с которым я был на ты), осмотрев привезенную от меня рацию, перекрывая басом все станции в эфире, сообщил мне:

– Витя, что ты там мудришь, рация прекрасно работает!

Он вообще относился ко мне всегда дружелюбно и даже еще когда я работал в отряде с Шульгиной на Колыме и связь в отряде была на мне, он прощал мне, видимо, по моей молодости и уважению к моему отцу, некоторую вольность в эфире, когда я передавал: – РСГВ! РСГВ! Здесь РЖ знак Музис-младший (вместо положенного РЖ Знак М). А вообще он был очень строг в эфире. Но это отдельная история

Я и сам догадывался, что дело не в рации, но, когда понял в чем дело, уже и сезон подходил к концу.

Так вот, шлихи я отправлял в Жиганск, а минералогическая лаборатория была в Москве, а Москва была далеко и я прекрасно сознавал, что результаты получу только по окончании полевого сезона. Но то, что работы на нашем участке будут продолжены, я не сомневался.

Изба под баню. Речка Улах-Муна

Мы отработали и второй участок. Устроили баню в одном из домиков, а поскольку комнаты были большие, а окна разбиты, заделали все как могли и поставили две печки-буржуйки. Получилось и тепло и свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.